
Людмила ТАБАКОВА

УХОДЯ, ОСТАВЬТЕ СВЕТ...

Рассказ

Баба Шура проснулась не от нежного мужского прикосновения и не от звонкого петушиного «ку-ка-ре-ку!». «Может, выспалась? Или просто всех ненавижу?» — подумала она о причине раннего пробуждения. Зевнув, взглянула на икону, чтобы перекрестить беззубый рот, но передумала. Что толку? Когда-то она тайно верила в Бога, теперь тайно в него не верила — времена другие.

Блеклый рассвет поманил к окну. Горячее дыхание заставило скользить по стеклу тоненькие льдинки. Стоит весна в нескольких шагах от входа, да никак не может войти: зима поперек дороги время от времени сугробами ложится.

Свет в окнах ближних хат то загорался медью, то гас. Вон в избе Васьки Крутого печь затопили. Вспомнилось, как он ей духи подарил. «ШИНель» называются. До сих пор пустой пузырек в сундуке лежит. Когда-то Васька, небритый, в трусах, ей завтрак в постель подавал: толстенный ломоть хлеба, криво нарезанная колбаса в оболочке, слой масла, которого хватило бы на большую семью, кофе или очень горячий, или очень холодный. Вот такая романтика...

А в избе Петра Селезнева спят. Был в ее жизни и Петро. Она решила, что он мужик остроумный, а потом поняла, что кавалер возле мельницы прошелся, когда мешки выбивали. Предположительно, пыльным мешком и стукнули.

«Хотела я, чтобы семейная жизнь сложилась, да раньше времени расплнела, и не по залету, а так. В автобусе люди из жалости место уступали. Вот такая жизнь „еж тебя заешь...“ — презируя свое одиночество, выдала баба Шура любимую поговорку. — Тащишь-тащишь свои сто три килограмма из кухни в кровать, а в ней и подвинуться некому, — продолжала она уничтожать себя словами. — Ладно, хватит корки мочить. Сколько в мыслях вздора: ни подумать, ни сосредоточиться».

У бабы Шуры все под контролем. В окне соседки Дарьи свет, видно, всю ночь горел... Бессонный дом. Пора бы ей и печь затопить... Не случилось ли что? Решение возникло мгновенно. Валенки ноги приняли, на широкие плечи подседа фуфайка, шаленка прикрыла голову, и захрустел тоненький ледок под килограммами бабы Шуры.

Все-таки лучший день тот, что прошел. Улица встретила неприветливо. Опять зима с весной спорят: ветер-наемник раскидывает все, что плохо лежит, да юбку на голову завернуть норовит. Несколько раз поскользнувшись, пришвартовалась баба Шура к Дарьиной избе.

Калитка настезь... Двери в избу не закрычены... «И правильно. Цена крючку — копейка...» — успела подумать баба Шура и замерла на крыльце, пока ветер в спину не подтолкнул. Вошла. Под образами лампадка чадит. Под потолком электрическая лампочка солнечное утро дополнительно освещает.

Людмила Табакова родилась на Смоленщине в 1946 году, окончила филологический факультет университета.

И лежит-то Дарья, миленькая, на своей высокой кровати, как живая. В новом платье, чистенькая, словно только что умытая, ручки на груди сложены, и глазки закрыты...

Что положено в такой ситуации чувствовать, словами не объяснить. Да баба Шура и не пыталась. Всплеснула она руками, пулей вылетела из избы и снова попала под дурное влияние ветра. Он тормозил движение вперед, толкал в грудь, бросался под ноги. Понимая, что самая плохая новость та, что пришла поздно, баба Шура боролась с ним, как могла. Главное — вовремя сообщить, услышать, что люди скажут, обобщить и дальше передать.

Больше всего она интересовалась тем, что ее абсолютно не касалось и было тайной за семью замками. Вот Дарья в деревне давно живет, а жизнь ее как под покрывалом или как в банковском договоре текст, что мелким шрифтом внизу написан. Особенный интерес имеют люди к человеку два раза: когда родился и когда умер. И хотя не принято говорить о покойном плохое, всякое говорят. Сквозь злые бабьи шепотки нет-нет да и прорвется что-нибудь хорошее. И понеслась баба Шура от избы к избе с новостью и за новостями.

Постучала в ворота усадьбы ближнего соседа Дарьи. Открыл, но не сразу. Недовольный, полусонный. За несколько лет благополучной жизни охарился Мишка, растолстел.

— Ты что, Шурка, с раннего утра по соседям шарисься? — вызверился он.

— Ты зенки-то свои протри да посмотри на соседские окна. Видишь, в них свет горит и всю ночь горел.

— Ну и что? Дарья и умрет, так свет души ее на земле останется. Я с ней вчерась через забор парой слов перекинулся. Умная женщина, поговорить завсегда интересно. Так моя злыдня ревновать вздумала. Но я дров Дашке все равно наколол — баню она топила. Веселая была. Нет, не поверю...

Умение слушать — большой плюс, а умение делать вид, что слушаешь, и в нужный момент вставлять слово — большой талант. Слушать друг друга они не умели. Ждать очереди в разговоре никто не хотел. Приходилось напоминать о себе, меняя выражение лица каждые десять секунд.

— Я Дашку давно знаю, — улучил момент Михаил, чтобы слово сказать. — Все проходит, да не все забывается. Это я ее в деревню привез. Да послушай ты! — он даже голос повысил, пытаясь остановить бурный поток Шуркиных охов и ахов. — Было это сразу после войны. Поехал я, как раз об эту пору, братана на станцию встречать. А он не приехал. Смотрю, возле вагона стоит девчужка в плюшевой жакетке. Из-под нее платьишко в горошек выглядывает, на ногах — валенки без калош. Все вещи в маленьком рюкзаке помещаются. Пригляделся: мать честная, да она ж беременная... Девушка, спрашиваю, а вам в какую деревню надо? Подвезти могу. А она молчит. Потом еле-еле из себя выдавила, что ей все равно в какую. Привез. К знахарке Матрене определил. Она — баба добрая. Всем помогала и травами, и заговорами, и человеческим теплом. Вскорости у Даши ребеночек родился. Хиленький такой мальчонка, не жилец. Схоронили. Ты, Шурка, все это, конечно, знаешь... Но лишний раз о добром человеке вспомнить не грех. Так и осталась Дарья у Матрены жить. Помогала, чем могла: огород обихаживала, травы собирала, сушила, людей лечила. Она же фельдшерица была, с образованием. К тому же и на все руки мастерица. Что шить, что вязать, цветы искусственные к Радонице делать...

— Шур, а ты не видела в ее избе цветы? Мы заказывали... Не видела? Ой, что теперь делать? — не дождавшись ответа, запричитала Мария, жена Михаила, появившаяся на крыльце.

— Цыть, дура! — прикрикнул на нее муж. — Нашла время. Иди в хату! Я, Шура, искал счастье, подобно старухе, ищущей очки, а оно всегда было у меня на носу. Личная

жизнь могла прийти из соседней избы. Но страшно ревнивая Машка обеспечила мне неприкосновенность. Нашел себя? Да лучше бы я себя потерял.

— Вот я тоже... — хотела и баба Шура вставить свои пять копеек, но Михаил махнул рукой и направился к крыльцу.

Чем больше человек имеет внутри себя, тем меньше ждет от остальных. Ни к чему Михаилу Шуркина исповедь. Обиделась баба Шура. Обида — способ заполнить внутреннюю пустоту. С обидами человек не одинок. С ним всегда его обидчик. Решила она освободиться от внутренней пустоты и понеслась по деревне.

Видит, у колонки с водой бабы кучкуются. Подлетела к ним и на одном дыхании вылепила:

— Бабы, Дарья-лекарка умерла!

Вылепила и ждет, что бабы скажут.

— Не верю! Такая женщина коня на скаку остановит! Помнишь, Ульяна, как она Гришаню моего спасла? — после минутного молчания заговорила агрономша Татьяна, молодушка в кокетливой шапочке, связанной когда-то Дарьей.

— Соболезнования кому выражать? — поинтересовалась Нюрка-кладовщица. — А наследство кому достанется? У нее деньги были... Надо ее вещи хорошо прощупать. А-то в моей родной деревне случай был... После смерти одной старушонки решили ее лохмотья сжечь на костре. Бросают в огонь одеялья, перину, платья... Стоп! Фуфайку, что уже в костер бросили, сосед ейный прямо из огня выхватил — показалась она ему тяжеловатой. Искры сбили, фуфайку потоптали, ножом распорол. А там под подкладкой деньги спрятаны — все больше двадцатипятирублевки. Да много! Целые пачки! Но устарели деньги, их давно обменять надо было.

Помолчали, обдумывая, что бы еще к случаю сказать...

— Было у ей что с Егором аль нет, Улюшка? — нарушила тишину одна из женщин. — Много раз видела, как он в одно и то же число шел к Дарьиной избенке. Летом, осенью, весной — с цветами. Но возвращался быстро, а цветы швырял в придорожную канаву.

— Иди ты к кляпам, Манюшка... Ой, сегодня пятница? — встрепенулась Улюшка.

— Нет, четверг, — ответил кто-то.

— А когда пятница?

Вопрос остался без ответа. Подхватили бабы ведра и разошлись.

А баба Шура понесла новость фронтовику Петровичу. Были у него дом, жена и дети, а осталась после войны лишь медаль. Все отняли проклятые фашисты. Пришел с войны и шинель променял на гармошку. Пришлось все начинать заново. Петрович занят: внук Бондик не хочет сидеть на горшке. Дед не мог привыкнуть к иностранному имени, которое придумала невестка, увлеченная фильмом о Джеймсе Бонде, и называл его по-своему — Барсик.

— Надо в военкомат сообщить, — отреагировал он на новость. — Всю войну Дарья прошла. А сколько раненых с поля боя вынесла! Надо с почестями похоронить... Мало нас осталось. Вечная ей память... — всхлипнул Петрович.

Бондик, увидев плачущего деда, зарыдал во весь голос. «Надо уходить», — решила баба Шура.

У магазина толпа желающих выпить открытия магазина ждет. Баба Шура сообщения сделала. Отреагировал Колька Степняк. Жизнь ему зубы выбила, но улыбка, широкая и круглая, как мяч, осталась. Работы нет, вот и пьет он под присмотром телевизора то водку, то пиво — на что денег хватает.

— Люди не хотят быть теми, кто они есть, — рассудил он. — Они хотят быть на рупь дороже. И врут, врут о себе. Хотя... о других тоже врут. Вот и ты, Шурка, врешь про Дарью. Внимание к себе привлечь хочешь. Не может она помереть, потому что людям нужная... Как без нее жизнь в деревне мыслить? Кто, как не она, тебя с того света вытаскивает, если невзначай перепьешь? А кто брошенные могилки на кладбище обиходит?

— Ты еще будешь мне рассказывать! — возмутился полупьяный мужик. — Злыдня она. Зимой снега не выпросишь. Скажет, как плюнет: «Пить надо меньше, а зарабатывать больше, чтобы на бутылку хватало». Бывало, денег ни за что не даст. Да Бог с ней... Умерла так умерла.

— А правду-то мы не скажем... То, что говорим о других, говорим о себе. Пьем и курим много, тратим последние копейки на что попало, смеемся зло, обижаемся легко, спать ложимся поздно, просыпаемся усталыми, читаем только этикетки на товаре в магазине, от телевизора не отрываемся, молимся редко, когда шибко приспичит. А жизнь коротка. Надо с плохого фильма вовремя уходить, бросать неинтересную книгу, быть подальше от дурных людей. Мужики, ищите повод для того, чтобы правильно жить, — высказался местный философ, который приобрел жизненный опыт, много лет наступая на одни и те же грабли.

Продавщица Зинка вставила ключ в замок — интерес к философии мгновенно пропал, а баба Шура, изрядно уставшая, поплелась в крайнюю избу к Егору Замятину. Постучала в окно: «Егор, выйди на минутку!» Как всегда мрачный, он, кажется, был готов к печальным новостям. Услышал — устало опустил на ступеньку крыльца. «Вот жизнь! Сколько дней пропало зря! Сестре не написал, кому-то не помог, семью не создал, род не продолжил... Птице, чтобы взлететь, нужно два крыла. Не взлетел, куда ж мне лететь однокрылому? Талант деторождения и сам не заметил, как в землю закопал. Где там „синяя птица“? Упало бы одно перо...» — подумал Егор.

Подумал, а сказал другое. Даже не сказал — выплеснул:

— Когда на смену надежде приходит отчаяние — это самое страшное в любви. Знаешь, Шур, расстояние сокращает любовь, даже если оно полкилометра. Нарву цветов, топаю, топаю к Дашке на другой конец деревни... А там — от ворот поворот и букет в лужу. Это моя боль, моя вина... Я умею признавать свои ошибки. Да толку от этого мало. Она меня от смерти спасла, с поля боя вынесла, в госпитале выхаживала. Полюбили друг друга. Война окончилась — я о жене, детях подумал и заставил себя о Дарье забыть. А она, беременная, в родную деревню не вернулась: перед родителями стыдно, да и что люди скажут? Вот и начались ее мытарства. Я тоже не чувствовал себя счастливым. В семье не сложилось. И решил я отыскать Дашу. Много лет искал. Дело случая — нашел. А сынишку своего так и не увидел... — всхлипнул Егор. — И вот такая новость... Да что это я? Надо бежать к ней, посмотреть в последний раз... Если ты не грешила, Шура, кинь в меня камень.

— Да ладно тебе... — отозвалась Шура. — Чистая совесть у тех, кто память потерял. Забывается. А все люди грешны. Не казни ты себя, Егор. Лучше для чего дальше жить, подумай.

Наконец весна победила в схватке с зимой. В содружестве с солнышком они растопили остатки снега, убрали сосульки с крыш. И зажурчали, зазвенели по дороге ручейки, бросаясь под ноги прохожим — ни перешагнуть, ни обойти.

Егор шел, не разбирая дороги, как всегда, посредине улицы. Баба Шура, в мокрых валенках, едва попевала за ним. Вот и конец деревни. В окнах избы Дарьи — все тот же свет... Распахнул Егор дверь — лежит Дарья, миленькая, на своей высокой кровати, как живая. В новом платье, чистенькая, словно только что умытая, ручки на груди сложены, и глазки закрыты...

— Что же ты, Дарья, сделала? — бросился к ней Егор. — Я же тебе еще не все ромашки подарил...

А она, миленькая, глаза открыла, улыбнулась и, как мертвая царица из сказки Пушкина, произнесла: «Ах, как долго я спала...»

Баба Шура выключила свет.

— Оставим на небе солнце! Под ним не страдают, под ним живут! А я пойду... — сказала она, прикрывая за собой дверь.